

Алексей А

Архитектор преисподней

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АКСТИНИЯ А
Архитектор преисподней

«Автор»

2026

А А.

Архитектор преисподней / А. А — «Автор», 2026

Алексей приходит в себя в кромешной тьме, падая. Последний образ в памяти — суд, приговор, лицо судьи. Теперь он в закрытом мире, где ржавые трубы заменяют звёзды, а время измеряется не часами, а обратным отсчётом до 12:12. Каждый месяц в этот час спускаются новички — отбросы общества, которых внешний мир приговорил к смерти. Местные делают на них ставки, потому что здесь правят игры на выживание. Победитель получает паёк. Проигравший — смерть или рабство. Здесь нет ягнят, только волки. Но Алексей — не такой, как все. Он не помнит, за что его осудили. А на стенах камер повторяется странный символ, который он откуда-то знает. Кто он на самом деле? Почему его память стёрта? И что скрывает социальный эксперимент, превративший город в тюрьму без выхода? Алексею предстоит собрать осколки личности и спланировать невозможный побег, прежде чем часы пробьют двенадцать. Но что, если этот ад — его собственное творение?

Содержание

Пролог. 125 метров до дна	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ПРИХОД	
Глава 1. Первый свет	7
Глава 2. Улей и Парадокс	9
Глава 3. Спуск	11
Глава 4. Божества и Волки	12
Глава 5. Ставки	14
Глава 6. Чужой среди своих	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Акстиния А

Архитектор преисподней

Пролог. 125 метров до дна

Знаете, что самое отвратительное в абсолютной темноте? Она не просто лишает вас зрения. Она заставляет мозг паниковать и генерировать фантомы. Но сейчас мне не до галлюцинаций. Сейчас я слышу, как воздух с воем разрывается на части. Я слышу, как мое собственное сердце колотится о ребра, словно сбитый с толку барабанщик, впервые севший за установку. И еще я слышу гул. Низкий, утробный, вибрационный стон механизмов, которые не знают, что такое жалость.

Я падаю.

И нет, это не та романтическая, замедленная голливудская сцена с перьями и философскими монологами за кадром. Это падение по законам термодинамики и гравитации. Как мешок с мокрым цементом, который швырнули в ржавый вентиляционный люк.

Холодный металл капсулы, в которой меня заперли, впивается в позвоночник. Воздух здесь тяжелый. Он пахнет озоном, старой ржавчиной и чем-то сладковато-гнилым. Словно кто-то оставил ведро с мокрой тряпкой в закрытой серверной лет на тридцать.

Что было последним, что я запомнил? Свет. Дешевая, противно мигающая светодиодная лампа в зале суда. И лицо судьи. Честное слово, оно было таким сухим и безжизненным, будто его забыли в микроволновке на режиме «разогрев». Он ударил молотком, его губы шевельнулись, выталкивая в воздух приговор. Но я не услышал слов. В ту самую секунду мой мозг, словно старый роутер, просто моргнул лампочкой и ушел в жесткую перезагрузку.

Кто я? Алексей. По крайней мере, так написано выцветшим маркером на лоскуте ткани, пришитом к моей грубой робе. Что я сделал? Понятия не имею. Папка с моими «преступлениями» в голове старательно отформатирована. Ни мотива, ни жертв, ни алиби. Чистый лист, густо замазанный чернилами амнезии.

Но я точно знаю, куда меня отправляют.

«Тихий город». Или, как его ласково называют те, кто придумал эту мясорубку, — «Преисподняя». Сто двадцать пять метров под землей. Бетонный аппендикс планеты, у которого есть только вход. Выхода не существует.

Ходят слухи, что местные жители — те, кто родился в этой сырой темноте среди ржавых труб и пещер, — считают нас, падающих с неба, божествами. Они ждут нас, чтобы жадно внимать историям о солнце, о ветре, о мире, который они никогда не увидят. Забавный парадокс, не находите? Они молятся на нас, хотя наверху, под лучами того самого солнца, мы считаемся мусором. Отбросами. Теми, кого общество решило не лечить, не исправлять, а просто спустить в унитаз и нажать на слив. Маньяки, убийцы, хакеры, сломавшие не те сервера, и... такие вот «потеряшки», как я.

Я почти физически ощущаю, что происходит там, наверху. В комфортабельных лофтах с панорамными окнами. Пробки вылетают из бутылок дорогого шампанского, сигарный дым стелется по коврам ручной работы. Сильные мира сего, безопасные и сытые, делают ставки. *«Спорим, новичок в левой капсуле не протянет и часа?» «Даю десять к одному, что он сам себе перережет горло от страха».* Для них мы — просто пиксели на экране. Реалити-шоу для тех, у кого слишком много денег и слишком мало совести.

Желудок делает сальто, словно я проглотил стиральную машину на цикле отжима. Страшно? Конечно, страшно. Я не киборг, у меня есть нервные окончания, и они сейчас кри-

чат на всех доступных частотах. Но где-то на самом дне этого страха, под слоем тошноты и дезориентации, загорается искра.

Злость. Холодная, кристально чистая злость.

Они думают, что сбросили меня в яму к волкам? Они думают, что я стану их развлечением на вечер? В «Тихом городе» нет ягнят, говорят они. Здесь все хищники. Что ж. Если ты падаешь в клетку со зверями, у тебя есть только два пути: либо стать ужином, либо отрастить клыки длиннее, чем у них. А может быть... может быть, я вообще окажусь тем самым дрессировщиком, который заставит весь этот цирк танцевать под мою дудку.

Я не помню своего прошлого, но я чертовски точно знаю, что не собираюсь умирать ради чьего-то пари.

БАМ!

Удар такой силы, что мои зубы со стуком смыкаются, а позвоночник пытается сыграть джаз на моих ребрах. Падение окончено. Капсула вздрагивает, издает предсмертный скрип гидравлики и замирает.

Тишина. Она не просто звенит в ушах — она давит на барабанные перепонки физически, густая и вязкая, как застывающий бетон.

Затем, с жалким шипением, вспыхивает свет. Красный. Аварийный. Цвет дешевых неоновых вывесок придорожных мотелей из второсортных триллеров. Он не освещает пространство, он его ранит, выхватывая из полумрака грубые сварные швы стен и тяжелую герметичную дверь передо мной.

Пневматика вздыхает, выпуская сжатый воздух. Дверь со скрежетом ползет в сторону. В лицо ударяет запах. Запах сырости, плесени, пота и чего-то еще... чего-то животного.

Я медленно поднимаюсь на ноги. Мышцы дрожат, но я заставляю себя выпрямиться. Я стряхиваю невидимую пыль с плеч, делаю глубокий вдох этого отравленного подземного воздуха и кривлю губы в ухмылке, которая, наверное, выглядит немного безумно.

— Ну что ж, — шепчу я в красную полутьму, делая шаг за порог. — Давайте посмотрим, кто из вас тут бог, а кто — просто мясо.

Игры начались.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ПРИХОД

Глава 1. Первый свет

Шаг.

Рифленый металл под ногами жалобно скрипит, словно жалуется на мою тяжесть. Я вываливаюсь из капсулы и тут же хватаюсь руками за шершавую, влажную стену, чтобы не рухнуть лицом в грязь. Мой вестибулярный аппарат сейчас устроил полноценную итальянскую забаву: мир качается, плывет и норовит сложиться пополам.

Кап... Кап... Кап...

Где-то в углу мерно падает вода. Звук, который в прошлой, «верхней» жизни мог бы свести с ума любого, кто пытается уснуть, здесь звучит как метроном. Он отсчитывает секунды моей новой реальности.

Я слглатываю вязкую слюну, пытаюсь унять дрожь в коленях.

— Ну привет, Преисподняя, — хриплю я. Голос звучит чужим: севшим, скрежещущим, как наждачка по стеклу. — Надеюсь, у вас тут есть нормальный Wi-Fi и доставка пиццы.

Тишина в ответ. Только гул труб и эта проклятая капель.

— Тридцать четыре секунды, — раздается голос.

Я вздрагиваю так сильно, что чуть не вывихиваю шею. Рука инстинктивно сжимается в кулак, хотя драться я умею примерно так же хорошо, как и вышивать крестиком в боксерских перчатках.

В самом темном углу, там, где красный свет аварийных ламп бессильно сдается перед густой тенью, сидит человек. Точнее, силуэт. Он не шевелился, когда я выбирался из капсулы. Он просто... был там. Словно часть интерьера. Словно старый, забытый экспонат в музее урбанистического упадка.

Слышится тихий хруст, и в руках у силуэта вспыхивает тусклый, желтоватый огонек. Не зажигалка. Что-то самодельное, похожее на химический светлячок, засунутый в стеклянную колбу от аптекарского пузырька. Свет выхватывает лицо.

Старик. Сморщенный, как печеное яблоко, которое забыли в духовке на неделю. На нем висит бесформенная роба, состоящая, кажется, из ста разных лоскутов, сшитых проволокой и грубыми нитками. Но больше всего меня поражают не его морщины и не грязная, спутанная борода. Меня поражают его глаза.

Они спокойны. Абсолютно, кристально, возмутительно спокойны. В них нет ни хищного блеска, ни безумия, ни той животной настороженности, которая должна быть у человека, живущего в бетонной мясорубке. Они смотрят на меня с легким, почти отеческим любопытством. Как на котенка, который только что неудачно спрыгнул с дивана.

— Неплохо для мешка с костями, который только что пролетел сто двадцать пять метров в железной консервной банке, — продолжает старик, делая глоток из фляги, сделанной из обрезка трубы. — Обычно новички либо воют, либо пытаются разбить голову о люк. А ты стоишь, стены щупаешь, шутишь. Это хорошо. Юмор продлевает жизнь. Вода, кстати, нет.

Он кивает в сторону угла, где в красных отблесках мерно падает конденсат.

— Не пей из луж. Если, конечно, не хочешь, чтобы твои внутренности устроили вечеринку с последующим выходом через все доступные отверстия.

Я медленно разжимаю кулаки, заставляя себя вдохнуть. Паника — это роскошь, которую я сейчас не могу себе позволить.

— Кто ты? — спрашиваю я, стараясь, чтобы голос звучал тверже. — И где, черт возьми, конвейер? Охрана? Те, кто должен меня переработать в фарш или выдать оранжевый комбинезон?

Старик усмехается, обнажая редкие, но на удивление белые зубы. В этом гнилом мире эти зубы выглядят как бриллианты в куче угля.

— Охрана? Сын мой, здесь нет охраны. Охрана нужна там, где есть границы и правила. А здесь... — он обводит рукой ржавые стены, — ...здесь нет выхода. Только вход.

Эти слова падают в воздух, тяжелые, как свинцовые гири. Нет выхода. Фраза, которая должна была бы стать финальным гвоздем в крышку моего гроба. Но внутри меня, вместо того чтобы сломаться, срабатывает какой-то странный, защитный механизм. Инженерный, что ли.

— Чушь, — фыркаю я, скреживая руки на груди. — Любая замкнутая система имеет пути сообщения с внешней средой. Вентиляционные шахты, аварийные водосбросы, грузовые лифты. Сюда же как-то поступает воздух? Откуда-то берется электричество для этих твоих красных лампочек? Если это построили люди, значит, люди могут это и разобрать.

Старик смотрит на меня с легкой жалостью.

— Ты мыслишь категориями архитектора, новичок. Ты ищешь двери. Но «Тихий город» — это не здание. Это шрам на теле планеты. А шрамы не имеют дверей. Меня зовут Григорий. И я здесь, чтобы показать тебе, как не стать ужином в первую же ночь.

Я прищуриваюсь, изучая его.

— Почему ты так спокоен, Григорий? Ты живешь в яме, куда сбрасывают маньяков и убийц, а сидишь в углу шлюза и ждешь меня, будто я курьер, который привез тебе посылку с AliExpress.

Старик медленно поднимается. Он оказывается ниже меня на голову, но от него исходит такая плотная, монументальная аура уверенности, что мне невольно хочется сделать шаг назад.

— Потому что я знаю один секрет, Алексей, — тихо говорит он.

По моей спине пробегает ледяной ток. Откуда он знает мое имя? Я еще не представлялся. На моей грубой робе нет никаких бейджей, а в голове — чистый лист амнезии.

— Паника — это выбор, — продолжает старик, подходя ближе и протягивая мне грязную, но сухую тряпку, пропитанную запахом машинного масла и каких-то пряных трав. — А я свой выбор сделал давно. Вытри рожу. Ты весь в машинном масле и страхе. Идем. Внутренняя дверь сейчас откроется, и город не любит, когда топчутся на пороге.

Я беру тряпку. Она шершавая, но теплая. Я смотрю на черную пасть капсулы, которая меня выплюнула. Если он знает мое имя... значит, меня здесь ждали. И, знаете что? Это меняет всё. Я больше не просто мусор, который сбросили в унитаз. Я — чья-то цель. А если есть цель, значит, есть и тот, кто ее поставил.

Я вытираю лицо, сминаю тряпку и кидаю ее обратно старику. На моих губах сама собой расплывается ухмылка. Злость, родившаяся еще в капсуле, теперь кристаллизуется в четкий фокус.

— Веди, гид. Покажешь мне местные достопримечательности?

Григорий кивает, его глаза в полумраке хитро поблескивают.

— О да, новичок. Ты даже не представляешь, какие у нас тут виды.

Он нажимает на ржавый рычаг на стене. Пневматика вздыхает, выпуская сжатый воздух, и тяжелая герметичная дверь со скрежетом ползет в сторону, впуская нас в туннель. Шаг за порог. Обратной дороги нет.

Глава 2. Улей и Парадокс

Туннель, в который мы свернули, пах так, будто кто-то решил сварить борщ из машинного масла, старых носков и безысходности.

Григорий шел впереди с удивительной для его возраста легкостью. Его самодельный фонарь, заключенный в стеклянную колбу, отбрасывал на ржавые стены пляшущие, ломаные тени. Я брел следом, стараясь не наступать на подозрительные лужицы и массировать ноющий позвоночник. Сто двадцать пять метров свободного падения в железном гробу — это вам не аттракцион в парке развлечений. Мое тело сейчас ощущалось как мешок с костями, которые решили объявить друг другу войну.

— Ты сказал, что выхода нет, — нарушил я тишину, нарушаемую лишь нашим шарканьем и далеким, утробным гулом. — Но это физически невозможно. Любая замкнутая система имеет пути сообщения с внешней средой. Вентиляционные шахты, аварийные водосбросы, грузовые лифты, в конце концов! Сюда же как-то поступает воздух? Откуда-то берется электричество для этих ваших красных лампочек?

Григорий не обернулся, но я услышал, как он усмехнулся. Звук был похож на скрежет гравия под подошвой.

— Воздух нагнетают гигантские турбины на нулевом уровне. Они шумят так, что новички в первые дни гложут и сходят с ума. Электричество дают геотермальные генераторы, врезанные в мантию. А что касается выходов... Сын мой, ты мыслишь категориями архитектора. Ты ищешь двери. Но «Тихий город» — это не здание. Это шрам на теле планеты. А шрамы не имеют дверей.

Я закатил глаза, хотя он этого не видел.

— Философия — это прекрасно, дедуля. Но я инженер, или кем я там был до того, как мне стерли память. И я знаю: если что-то построили люди, значит, люди могут это и разобрать.

— О, мы не строили это место, — бросил Григорий через плечо. — Мы его просто... заселили. Как тараканы заселяют брошенный бункер.

Туннель резко пошел вверх, и спустя пару минут мы уперлись в тяжелую, покрытую заклепками дверь. Григорий нажал на рычаг, и створки со стоном разошлись в стороны. Я шагнул вперед, готовый увидеть коридор, камеру или, на худой конец, расстрельную стену.

Но то, что открылось моему взору, заставило мой мозг на секунду выдать «синий экран смерти» и уйти на принудительную перезагрузку.

Мы стояли на ржавом металлическом балконе, нависающем над бездной. Это был не бункер. Это был кратер. Гигантская, уходящая вниз на сотни метров пещера, размеры которой разум отказывался постигать. И эта пещера была... живой.

Вниз, в туманную, подсвеченную тусклым неонам и факелами бездну, каскадом спускались жилища. Это было похоже на фавелы Рио-де-Жанейро, которые скрестили с декорациями к киберпанк-антиутопии, а собирали это всё вслепую, в приступе тяжелой паранойи. Хижины из гофрированного металла, обшивки от самолетов, кусков пластиковых труб и дорожных знаков лепились друг к другу, образуя многоярусные, шаткие конструкции. Между ними, словно паутина, были натянуты мостки из тросов и досок. Толстенные трубы пронизывали это безумное вертикальное гнездо, пульсируя горячим паром.

Но больше всего меня поразил звук. «Тихий город». Какое же это, черт возьми, издевательство над неймингом. Город ревел. Он гудел, визжал, стонал. Звук тысячных генераторов, лязг металла, далекие крики и какая-то дикая, ритмичная музыка, отдающаяся прямо в грудной клетке.

— Добро пожаловать в улей, — тихо сказал Григорий, вставая рядом и опираясь на перила. — Сто двадцать пять метров под землей. Нижний уровень — Зона Свалки. Средний

— Рынки и Арены. Верхний... Верхний занят теми, кто контролирует распределение пайков и воды.

Я сжал поручень так, что побелели костяшки пальцев. Масштаб катастрофы обрушился на меня, придавив к ржавому полу. Это не тюрьма. Это целая цивилизация. Цивилизация паразитов, живущая в кишках земли.

Глава 3. Спуск

Спуск в сам город напоминал погружение в аквариум с пираньями, только вместо воды здесь был спертый воздух, а вместо водорослей — свисающие пучки проводов.

Мы шли по узкому мостку, сколоченному из паллет и листов оцинковки. Вокруг кипела жизнь, от которой меня начинало тошнить. Мимо проносились босые дети с кожей цвета пергамента и глазами, в которых не было детства. Они тащили какие-то шестеренки, ругались матом, который я, кажется, раньше слышал только в самых грязных портовых барах.

Женщины с изможденными лицами сидели у самодельных жаровен, нанизывая на проволоку куски чего-то серого и склизкого. От запаха этого «барбекю» у меня свело желудок. Пахло паленой резиной и тухлой рыбой.

Я шел и пытался анализировать. Инженерная привычка, видимо, переживет даже амнезию. Я видел, как распределены нагрузки на несущие тросы, как кустарно, но гениально вплетены водопроводные трубы в силовые кабели. Это место строили не по чертежам. Его лепили инстинкты и страх.

Внизу, в самой гуще этого металлолома, копошились тысячи крошечных фигурок. Масштаб катастрофы наконец обрушился на меня, придавив к ржавому полу. Это не тюрьма. Это целая цивилизация. И я заперт здесь. Навсегда.

— Нет, — выдохнул я, отступая на шаг. Паника, которую я так старательно давил в капсуле, начала пробиваться наружу, холодная и липкая. — Этого не может быть. Кто-то должен это видеть. Кто-то должен знать!

— Многие знают, — спокойно ответил старик. — Те, кто нас сюда отправляет. Идем. Нас уже ждут.

Глава 4. Божества и Волки

Но самое странное началось, когда мы спустились на главную площадь — пятачок, выложенный битой керамической плиткой.

Как только моя нога в кроссовке (кстати, единственная чистая вещь в радиусе километра) коснулась пола, шум вокруг начал стихать. Сначала замолчали торговцы у ближайших лавок. Затем остановились дети. Волна тишины, словно круги на воде, разошлась по площади.

Десятки, сотни глаз уставились на меня.

Я инстинктивно напрягся, сжимая кулаки. Ну всё, — подумал я. — Сейчас начнется. Суд Линча. Инициация новичка. Сейчас меня пустят на органы или заставят съесть эту серую дрянь с жаровни.

Но вместо агрессии в их взглядах я увидел... благоговение?

Из толпы выступила женщина. На ее лице был шрам, рассекающий губу, а на плечи была наброшена шкура какого-то огромного, невиданного мной зверя. Она подошла ко мне, медленно опустилась на колени прямо в грязь и протянула мне небольшую, грубо вырезанную из кости фигурку.

— Благослови, Упавший, — прошептала она хриплым, ломающимся голосом. — Расскажи нам о Ветре. Расскажи, какого цвета Небо сегодня.

Я замер, полностью потеряв дар речи. Оглянулся на Григория. Старик стоял в стороне, скрестив руки на груди, и с легкой иронией наблюдал за этой сценой.

— Гриша... — шепотом позвал я. — Что происходит? Почему она на коленях? Я похож на папу римского в спортивном костюме?

— Для них ты больше, — так же тихо ответил он. — Они родились здесь, Алексей. Они никогда не видели солнца. Они не знают, что такое дождь, который не пахнет серой. Для коренных жителей «Тихого города» внешний мир — это Рай. А те, кто падает оттуда... вы для них ангелы. Божества, спустившиеся из Эдема. Они готовы отдать за твою байку о снеге последнюю миску похлебки.

У меня в голове не укладывался этот парадокс. Он был настолько диким, настолько абсурдным, что захотелось рассмеяться. Истерически, до слез. Сверху, на поверхности, какие-то ублюдки в дорогих костюмах делают на меня ставки, считая мусором, отбросом, которого нужно смыть в унитаз. А здесь, на дне, меня встречают как мессию.

Я посмотрел на женщину, всё ещё стоящую на коленях. В ее глазах была такая жажда чуда, такая детская, наивная надежда, что у меня заныло в груди. Я осторожно взял костяную фигурку. Она была теплой.

— Небо... — начал я, и мой голос предательски дрогнул. Я прочистил горло. — Небо сегодня было синим. Таким синим, что глаза болят. А ветер пах нагретым асфальтом и пылью.

По толпе прошел благоговейный шепот. Кто-то даже закрыл лицо руками, словно от переизбытка чувств. Женщина улыбнулась, поцеловала край моей грязной робы и, отойдя назад, растворилась в толпе.

Но идиллия длилась недолго.

Из-за кучи ржавых бочек вышла группа мужчин. Они не падали на колени. Они не смотрели на меня с благоговением. Их глаза были пустыми, холодными и расчетливыми, как стволы снайперских винтовок. На их руках и шеях тускло поблескивали татуировки — странные геометрические узоры и цифры.

Один из них, огромный детина с бритой головой и шрамом через весь нос, сплюнул на пол и кивнул на меня своему напарнику.

— Новичок. Худой. Слишком много болтает. Ставлю три пайка воды, что он не доживет до первых Игр.

Второй, тощий, с бегающими глазами, хмыкнул:

— Принимаю. Но если он окажется из «тех», кто умеет драться, я заберу его ботинки.

Я почувствовал, как внутри меня закипает ярость. Не страх. Именно ярость. Горячая, обжигающая, смывающая остатки шока. Я сделал шаг вперед, отстраняя Григория.

— Эй! — крикнул я, и мой голос эхом разнесся по площади. Толпа замерла. — Вы, наверное, ошиблись адресом! Я не знаю, что вы тут курите, но я не убийца! Я не маньяк! Меня отправили сюда по ошибке, и я не собираюсь участвовать в ваших больных играх!

Детина со шрамом медленно повернул ко мне голову. Его лицо не выражало никаких эмоций, только скуку.

Григорий положил мне на плечо тяжелую, мозолистую руку и тихо, почти ласково произнес мне на ухо:

— Угомонись, «божество». Здесь все так говорят. Тот парень, который вчера пытался перегрызть горло соседу по нарам, клялся, что он вообще вегетарианец и бухгалтер. Ты в мусорном баке, сын мой. А мусор не делится на правильный и неправильный. Он просто воняет.

Детина усмехнулся, обнажая сточенные зубы.

— Слышал деда, «божество»? Запомни правило номер один. В «Преисподней» нет ягнят. Здесь только волки. И если ты не умеешь выть... тебя просто съедят.

Он развернулся и пошел прочь, а его свита последовала за ним, обсуждая, на что лучше потратить выигранные пайки.

Я стоял посреди площади, сжимая в руке костяную фигурку, и смотрел им вслед. Григорий был прав. Система наверху стерла мне память и выбросила меня сюда, как бракованную деталь. Но она не учла одного.

Бракованные детали иногда ломают весь механизм.

— Пойдем, — сказал Григорий, дергая меня за рукав. — Нам нужно показать тебе, как формируется твоя цена. И научить тебя выть. До двенадцати часов двенадцати минут осталось меньше недели. А это, поверь мне, очень мало времени, чтобы отрастить клыки.

Глава 5. Ставки

Григорий вел меня по узким, кривым улочкам, которые больше напоминали крысиные норы, прорытые в грудях ржавого металлолома. Здесь, в кишках «Тихого города», не было прямых линий. Архитектура этого места была продиктована не эстетикой и даже не здравым смыслом, а чистой, животной необходимостью втиснуть еще одну жестяную хибару в любое свободное пространство между пульсирующими трубами.

Воздух становился всё гуще. Он пах паленым пластиком, кислым потом и чем-то сладковатым, от чего у меня предательски засосало под ложечкой. Мимо проносились тени — местные жители, укутанные в лохмотья, с лицами, скрытыми капюшонами или респираторами, собранными из обрезанных пластиковых бутылок. Они сторонились нас, прижимаясь к стенам, но я спиной чувствовал их взгляды. Взгляды хищников, оценивающих, сколько мяса на костях у новой добычи.

— Куда мы идем? — спросил я, перешагивая через лужу, в которой радужными пятнами переливалось машинное масло. — Если это экскурсия по местным злачным местам, то я вынужден разочаровать: я оставил кошелек в другой робе.

— Мы идем туда, где формируется твоя ценность, новичок, — не оборачиваясь, бросил Григорий. — В «Яму».

«Яма» оказалась огромным, выдолбленным в скале котлованом, над которым был натянут полог из полупрозрачного брезента. Внутри гудело. Сотни людей толпились вокруг возвышения, сколоченного из паллет и старых автомобильных сидений. Но мое внимание привлек не шум и не толпа. Мое внимание приковал ОН.

Экран.

Гигантский, составленный из десятков разбитых и кое-как спаянных вместе мониторов, он висел в центре «Ямы», словно глаз Саурана, только вместо огня в нем плясали статические помехи и тусклый зеленый текст. От него тянулись толстые пучки проводов, уходящие куда-то в потолок, в сторону нулевого уровня. К экрану был подключен ржавый микрофон, а рядом, за импровизированной стойкой из бочки, стоял человек.

Его лицо было покрыто шрамами, словно кто-то пытался нарисовать на нем штрих-код с помощью заточенной отвертки. Но больше всего меня поразили его глаза. Пустые. Стеклообразные. В них не было ни злобы, ни азарта, только холодный, математический расчет. Это был не просто букмекер. Это был Оракул, транслирующий волю богов с поверхности.

— Объект семь-ноль-два. Имя: Алексей, — проскрипел голос из динамиков, искаженный до неузнаваемости. — Возраст: предположительно тридцать два. Физическая форма: удовлетворительная. Психологический профиль: аналитик, склонен к отрицанию.

Я замер. Сердце пропустило удар, а затем забило где-то в гортани. Это был я. Они говорили обо мне.

— Текущие котировки с Верхнего Уровня, — продолжил Оракул, и толпа вокруг замерла, жадно ловя каждое слово. — Ставка на то, что Объект семь-ноль-два сломается психологически в первые двадцать четыре часа: два к одному. Ставка на то, что он будет убит местными до первой Игры: пять к одному. Ставка на то, что он сам кого-нибудь убьет до конца недели... пятнадцать к одному.

Толпа взорвалась гулом. В воздух полетели жетоны, скрученные из фольги, куски сушеного мяса и фляги с водой. Они ставили. Эти люди, живущие в грязи и мраке, ставили свои жалкие крохи ресурсов на то, как быстро я сойду или сойду с ума.

Я почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Но это была не тошнота страха. Это была тошнота от осознания собственного ничтожества в глазах тех, кто наверху. Для них я не человек. Я не личность с амнезией, которая пытается собрать себя по кусочкам. Я — пиксель

на экране. Гладиатор в цифровом Колизее. Реалити-шоу для ублюдков в дорогих костюмах, которые пьют виски и делают ставки на мою боль. А местные жители — это просто интерактивная массовка, которой позволили ставить на остатки со стола господ.

— Видишь? — тихо сказал Григорий, вставая рядом и опираясь на ржавую арматуру. — Ты уже не просто мясо. Ты — актив. И если ты хочешь выжить, тебе нужно заставить их проиграть. Заставь их потерять свои деньги, новичок. Нет ничего опаснее, чем разозлить тех, кто держит пульт от твоей клетки.

Я сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Боль отрезвила меня.

— А что будет, если я выиграю? — хрипло спросил я, не отрывая взгляда от мерцающего экрана, где мое имя мигало зеленым курсивом.

Григорий криво усмехнулся.

— Тогда, сын мой, ты станешь их любимой игрушкой. А любимые игрушки живут дольше всех. Пока не надоедают.

Старик не стал дожидаться, пока я переварю эту информацию. Он молча развернулся и повел меня прочь из «Ямы», к массивной клетке, сплетенной из толстой проволоки и арматуры, которая располагалась в конце коридора. Над входом кривыми буквами, словно детской рукой, было нацарапано: «ОТСТОЙНИК».

— Сиди здесь до сирены, — бросил Григорий, открывая тяжелую дверцу и пропуская меня внутрь. — Двенадцать часов двенадцать минут. Когда часы пробьют это время, спустятся новые. И начнется отбор. Не спи. И не поворачивайся к ним спиной.

Дверца захлопнулась с лязгом, от которого у меня заныли зубы. Я остался один. Ну, почти один. В дальнем углу клетки, под тусклой лампочкой, которая мигала с частотой эпилептического припадка, сидели трое. И, судя по их взглядам, они тоже не собирались спать.

Глава 6. Чужой среди своих

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.